

«ОВОД»

В книжной графике

сквозь время

**(часть вторая, главы VII-
VIII)**

*Mi scusi. Non posso
venire.*

**В первых числах января Мартини разослал приглашения на ежемесячное собрание литературного комитета и в ответ получил от Овода лаконичную записку, нацарапанную карандашом:
«Весьма сожалею. Прийти не могу»...**

***Мартини это рассердило, так как в повестке было
указано: «Очень важно». Такое легкомысленное отношение
к делу казалось ему оскорбительным...***

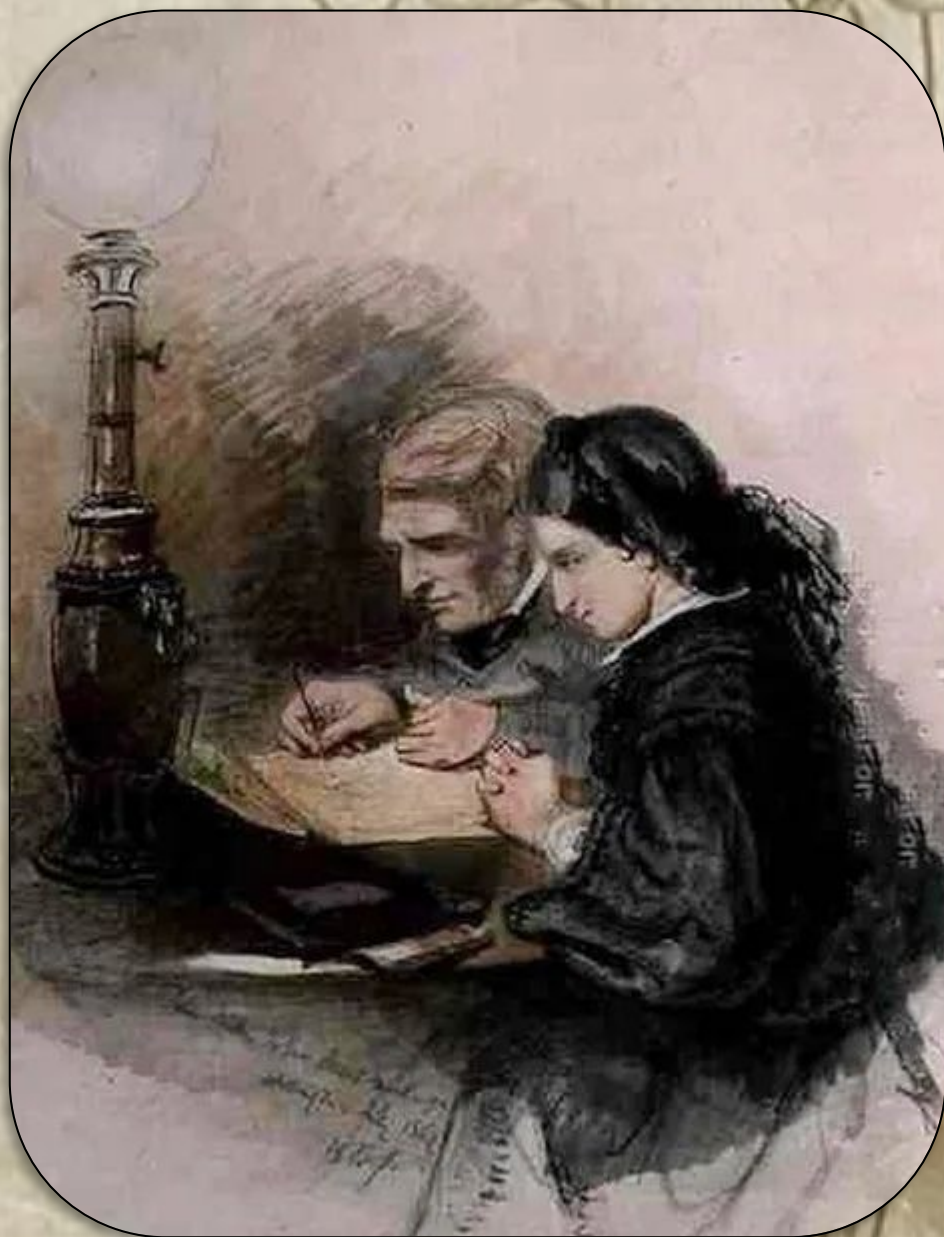

- Мартини, другого такого придирки, как вы, нет во всей Флоренции, - сказал с раздражением Галли. - Если человек вам не нравится, то все, что он делает, непременно дурно. Как может Риварес прийти, если он болен? - Кто вам сказал, что он болен? - А вы разве не знаете? Он уже четвертый день не встает с постели...

- Что с ним? - Не знаю. Из-за болезни он даже отложил свидание со мной, которое было назначено на четверг. А вчера, когда я зашел к нему, мне сказали, что он плохо себя чувствует и никого не может принять. Я думал, что при нем Риккардо. - Нет, я тоже ничего не знал. Сегодня же вечером зайду туда и посмотрю, не надо ли ему чего-нибудь...

**На другое утро Риккардо,
бледный и усталый,
появился
в маленьком кабинете
Джеммы. Она сидела
у стола
и монотонным голосом
диктовала Мартини
цифры,
а он с лупой в одной руке
и тонко очиненным
карандашом
в другой делал
на странице книги едва
видные пометки...**

- Здравствуйте, доктор. Какой у вас измученный вид! Вы не здоровы? - Нет, здоров, только очень устал. Я провел ужасную ночь у Ривареса. - У Ривареса? - Да. Просидел около него до утра, а теперь надо идти в больницу. Я зашел к вам спросить, не знаете ли вы кого-нибудь, кто бы мог побыть с ним эти несколько дней. Он в тяжелом состоянии. Я, конечно, сделаю все, что могу. Но сейчас у меня нет времени, а о сиделке он и слышать не хочет...

- А что с ним такое? - Да чего только нет! Прежде всего... У него, несомненно, не в порядке нервы, но главная причина болезни - старая, запущенная рана. Словом, здоровьем он похвастаться не может...

- Но сила воли у этого человека просто небывалая. Пока он не потерял сознания, его выдержка была поразительна. Но зато и задал же он мне работу к концу ночи! И как вы думаете, когда он заболел? Это тянется уже пять суток...

- А где же эта танцовщица? - Представьте, какая странная вещь! Он не пускает ее к себе. У него какой-то болезненный страх перед ней. Не поймешь этого человека - сплошной клубок противоречий!...

- Но почему же он не прислал сказать, что болен? - спросил Мартини. - Мы не бросили бы его одного, ему бы следовало это знать! - И напрасно, доктор, вы не послали сегодня за кем-нибудь из нас, вместо того чтобы сидеть там самому, - сказала Джемма...

- Дорогая моя, я хотел было послать за Галли, но Риварес так вскипел при первом моем намеке, что я сейчас же отказался от этой мысли. А когда я спросил его, кого же ему привести, он испуганно посмотрел на меня, закрыл руками лицо и сказал: "Не говорите им, они будут смеяться". Это у него навязчивая идея: ему кажется, будто люди над чем-то смеются. Я так и не понял - над чем. Он все время говорит по-испански. Но ведь больные часто несут бог знает что...

- Когда Мартини вошел в полутемную комнату, Овод быстро повернул голову, протянул ему горячую руку и заговорил, тщетно пытаясь сохранить обычную небрежность тона: - А, Мартини! Вы, наверно, сердитесь за корректуру? Не ругайте меня, что я пропустил собрание комитета: я не совсем здоров, и...

- Бог с ним, с комитетом! Я видел сейчас Риккардо и пришел узнать, не могу ли я вам чем-нибудь помочь. У Овода лицо словно окаменело. - Это очень любезно с вашей стороны. Но вы напрасно беспокоились: я просто немножко расклеился...

**- Пожалуйста, не беспокойтесь. Уверю вас, мне ничего не надо. Вы только напрасно потеряете время... - Бросьте эти глупости! - резко перебил его Мартини. - Зачем вы меня обманываете? Думаете, я слепой? Лежите спокойно
- и постарайтесь заснуть...**

Овод был так измучен, что уснул как мертвый. Час проходил за часом, а он не шевелился. Днем и вечером Мартини не раз подходил к кровати и вглядывался в это неподвижное тело - кроме дыхания, в нем не замечалось никаких признаков жизни. Лицо было настолько бледно, что на Мартини вдруг напал страх. Что, если он дал ему слишком большую дозу опиума? Изуродованная левая рука Овода лежала поверх одеяла, и Мартини осторожно потрянул ее, думая его разбудить. Расстегнутый рукав сполз к локтю, обнаружив страшные шрамы, покрывавшие всю руку...

Овод вдруг приподнялся, глядя прямо перед собой испуганными глазами.

- Мой выход? - забормотал он по-испански. - Займите публику еще минуту... А!...

Риккардо ушел, а Мартини остался поговорить с Галли в соседней комнате. Отворив через несколько минут входную дверь, он увидел, как к садовой калитке подъехал экипаж и из него вышла женщина. Это была Зита, вернувшаяся, должно быть, с какого-нибудь вечера...

- *Как он себя чувствует? - спросила она, не глядя на Мартини.*
- *Гораздо лучше, чем утром. Он спал весь день, и вид у него не такой измученный. Кажется, приступ миновал!*
- *Ему было очень плохо?*
- *Так плохо, что хуже, по-моему, и быть не может.*
- *Я так и думала. Если он не пускает меня к себе,*
 - *значит, ему очень плохо...*

**Зита топнула ногой.
- Ненавижу вас! - крикнула она,
и глаза у нее засверкали,
как раскаленные угли. -
Ненавижу вас всех!
Вы приходите, говорите с ним
о политике! Он позволяет вам
сидеть около него всю ночь
и давать ему лекарства, а я не
смею даже посмотреть на него
в дверную щелку!
Что он для вас? Кто дал вам
право отнимать его у меня?
Ненавижу! Ненавижу!
Ненавижу!...**

***Она разразилась бурными рыданиями и, кинувшись к дому, захлопнула калитку перед носом у Мартини.
«Бог ты мой! - мысленно проговорил он, идя темным переулком. - Эта женщина не на шутку любит его!
Вот чудеса!»...***

Овод быстро поправлялся. В одно из своих посещений на следующей неделе Риккардо застал его уже на кушетке облаченным в турецкий халат. С ним были Мартини и Галли...

Овод захотел даже выйти на воздух, но Риккардо только рассмеялся на это и спросил, не лучше ли уж сразу предпринять прогулку до Фьезоле.

- Можете также нанести визит Грассини, - добавил он язвительно. - Я уверен, что синьора будет в восторге, особенно сейчас, когда на лице у вас такая интересная бледность...

Овод трагически всплеснул руками.

- Боже мой! А я об этом и не подумал! Она примет меня за итальянского мученика и будет разглагольствовать о патриотизме. Мне придется войти в роль и рассказать ей, что меня изрубили на куски в подземелье и довольно плохо потом склеили...

- Мартини, я должен бежать. Значит, этот беспокойный пациент остается на вашем попечении?

- Да. Но только до трех часов. С трех здесь посидит синьора Болла.

- Синьора Болла? - испуганно переспросил Овод. - Нет, Мартини, это невозможно!

Я не допущу, чтобы дама возилась со мной и с моими болезнями...

- *Ну, Риварес, примите-ка лекарство до ее прихода, -*
- *сказал Галли, подходя к Оводу со стаканом.*

- К черту лекарства!

Как и все выздоравливающие, Овод был очень раздражителен и доставлял много хлопот своим преданным сиделкам.

- *3-зачем вы пичкаете м-меня всякой дрянью, когда боли прошли?...*

Он взял стакан левой рукой. Страшные шрамы на ней напомнили Галли о бывшем у них перед тем разговором.

- Да, кстати, - спросил он, - где вы получили эти раны?

На войне, вероятно?

- Да, частью на войне, частью на охоте в диких местах...

Всякое бывало. Например, эти шрамы на левой руке. Это было во время охоты на пуму. Я, знаете, выстрелил...

Послышался стук в дверь.

- Все ли прибрано в комнате, Мартини? Да? Так отворите, пожалуйста... Вы очень добры, синьора...

Извините, что я не встаю.

- И незачем вам вставать. Я не с визитом... Я пришла пораньше, Чезаре: вы, наверно, торопитесь.

- Нет, у меня еще есть четверть часа. Позвольте, я положу ваш плащ в той комнате. Корзинку можно туда же?

- Осторожно, там яйца. Самые свежие. Кэтти купила их утром в Монте Оливето... А это рождественские розы, синьор Риварес. Я знаю, вы любите цветы...

Овод рассказывал случай за случаем - об аргентинской войне, о бразильской экспедиции, о встречах с туземцами, об охоте на диких зверей. Галли слушал с увлечением, словно ребенок - сказку, и то и дело прерывал его вопросами...

Джемма достала из корзинки вязанье и тоже внимательно слушала, проворно шевеля спицами и не отрывая глаз от работы...

Мартини хмурился и беспокойно ерзал на стуле. Во всех этих рассказах ему слышались хвастливость и самодовольство. Несмотря на свое невольное преклонение перед человеком, способным переносить сильную физическую боль с таким поразительным мужеством, ему решительно не нравился Овод, не нравились его манеры, его поступки...

***Джемма вышла проводить посетителей больного и скоро вернулась со стаканом гоголь-моголя.
- Выпейте, - сказала она мягко, но настойчиво и снова села за свое вязанье. Овод кротко повиновался...***

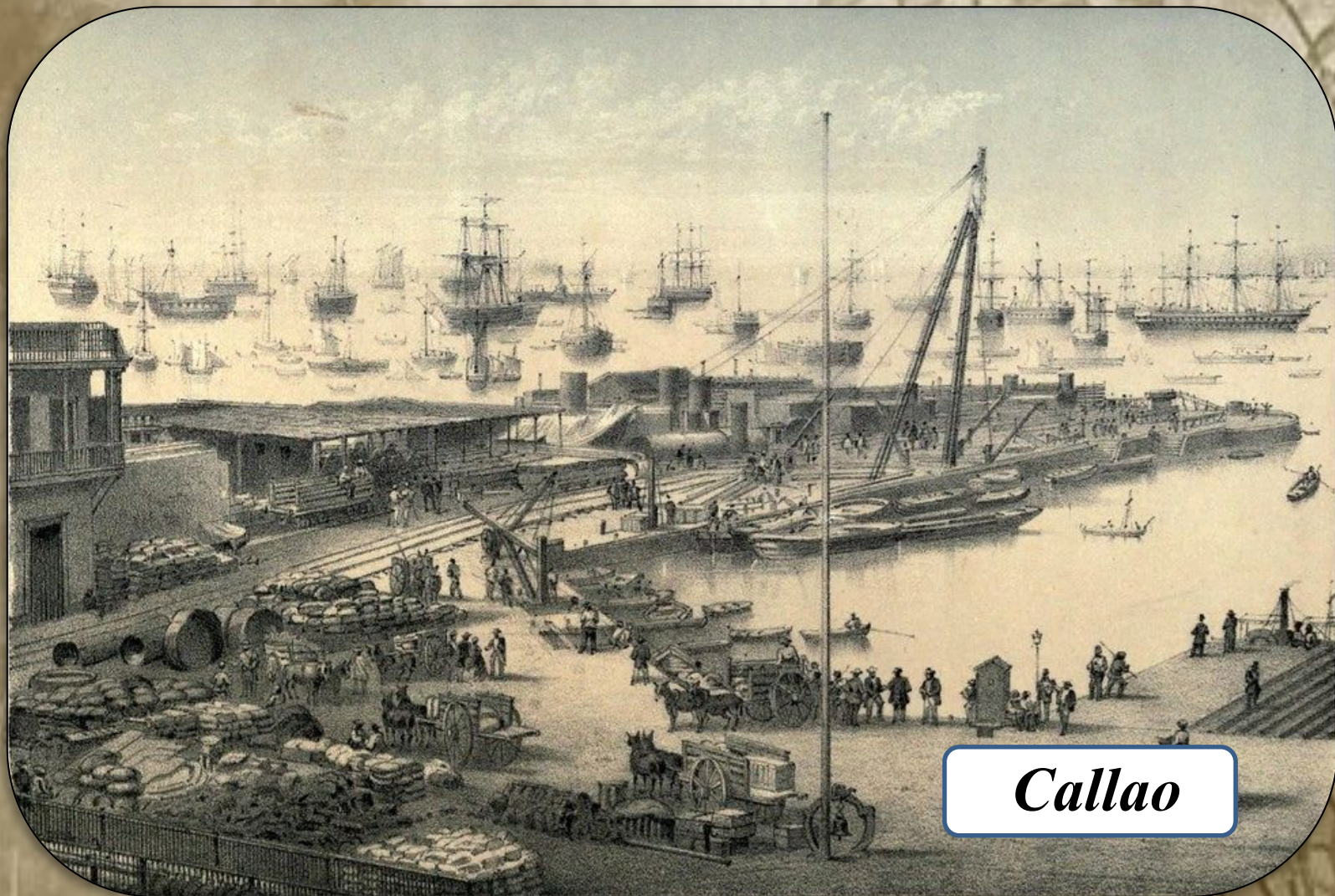
**- Неужели вам важнее позабавить Галли, чем сказать правду?
- Правду... - Он пристально взглянул на нее, держа в руке оторванную бахромку пледа. - Вы хотите, чтобы я сказал правду этим людям? Да лучше я себе язык отрежу! – И затем с какой-то неуклюжей и робкой порывистостью добавил: - Я еще никому не рассказывал правды, но вам, если хотите, расскажу...**

- После долгого молчания Джемма взглянула на него.*
- *Я совсем з-забыл, - проговорил Овод извиняющимся тоном.*
 - *Я х-хотел рассказать вам о...*
 - *О несчастном случае, когда вы сломали ногу...*
 - *О несчастном случае? Но это не был несчастный случай!*
 - *Нет. Меня просто избили кочергой...*

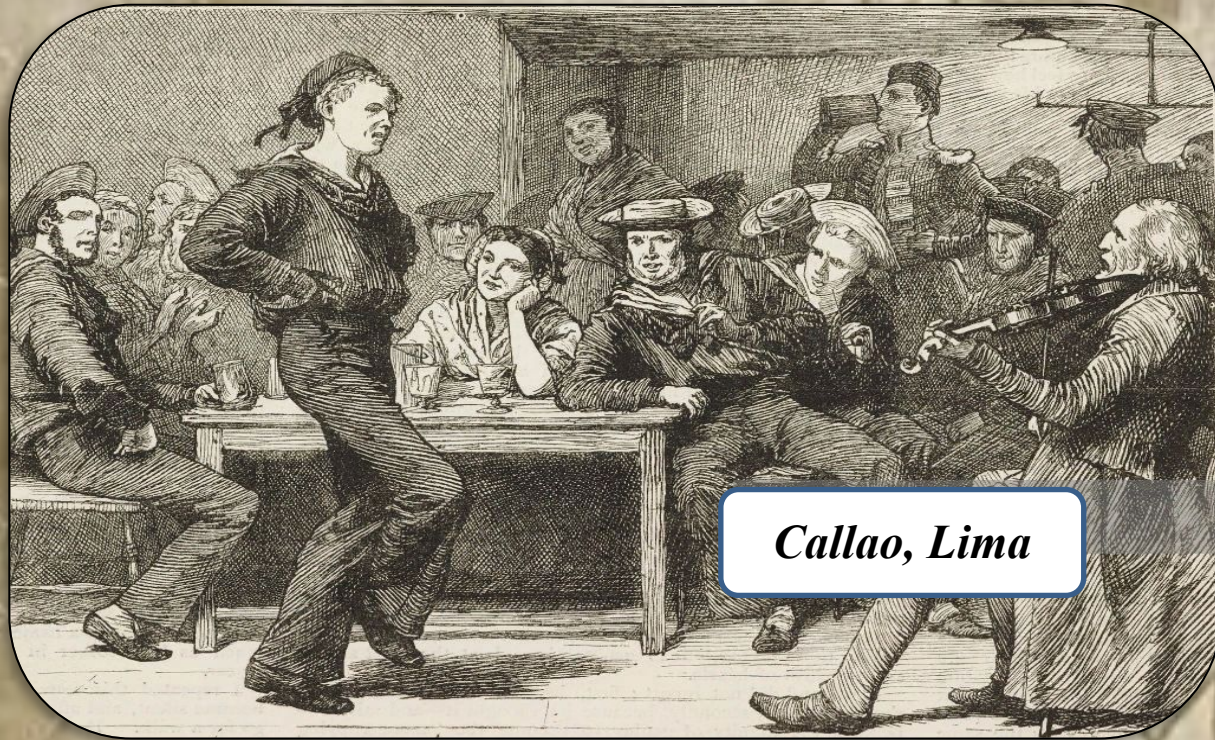

- Да, так я начал рассказывать о кочерге. Это было... дайте припомнить... лет тринадцать назад в Лиме. Я говорил, что Перу прекрасная страна, но она не так уже прекрасна для тех, кто очутился там без гроша в кармане, как было со мной. Я побывал в Аргентине, потом в Чили. Бродил по всей стране, чуть не умирая с голоду, и приехал в Лиму из Вальпарайзо матросом на судне, перевозившем скот...

Callao

- В самом городе мне не удалось найти работу, и я спустился к докам...

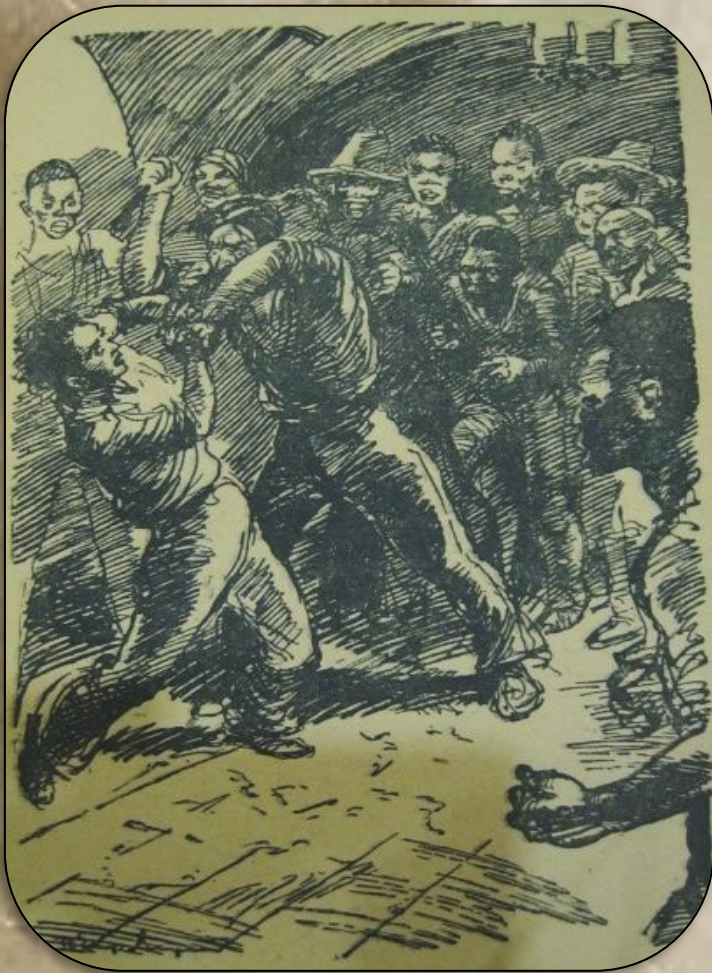

Callao, Lima

- В самом городе мне не удалось найти работу, и я спустился к докам. Во всех портовых городах есть трущобы, в которых собираются матросы, и в конце концов я устроился в одном из игорных притонов. Я исполнял должность повара, подавал напитки гостям и тому подобное. Занятие не особенно приятное, но я был рад и этому. Там меня кормили, я видел человеческие лица, слышал хоть какую-то человеческую речь...

- И вот однажды ночью мне велели вытолкать за дверь пьяного матроса, который стал буяннить. Он в этот день сошел на берег, проиграл все свои деньги и был сильно не в духе. Мне пришлось послушаться, иначе я потерял бы место и окошел с голоду; но этот человек был вдвое сильнее меня: мне пошел тогда только двадцать второй год, и после лихорадки я был слаб, как котенок. К тому же у него в руках была кочерга...

Овод замолчал и взглянул украдкой на Джемму. - Он, вероятно, хотел разделаться со мной, отправить на тот свет, но, будучи индийским матросом, выполнил свою работу небрежно и оставил меня недобитым как раз настолько, что я мог вернуться к жизни...

- **А что же делали остальные? Неужели**
- **все испугались одного пьяного матроса?**

Овод посмотрел на нее и расхохотался. - Остальные! Игроки и другие завсегда таи притона? Как же вы не понимаете! Я был их слугой, собственностью. Они окружили нас и, конечно, были в восторге от такого зрелища. Там смотрят на подобные вещи, как на забаву. Конечно, в том случае, если действующим лицом является кто-то другой...

***Джемма содрогнулась: Чем же все это кончилось?
- Этого я вам не могу сказать. После такой драки человек
обычно ничего не помнит в первые дни. Но поблизости был
корабельный врач, и, по-видимому, когда зрители убедились,
что я не умер, за ним послали. Он починил меня кое-как.
Риккардо находит, что плохо, но, может быть, в нем говорит
профессиональная зависть...***

Когда я очнулся, одна старуха туземка взяла меня к себе из христианского милосердия... Старуха оказалась добрая, она все говорила, что у нее я могу умереть спокойно: никто мне не помешает. Но дух противоречия не оставил меня, и я решил выжить...

Трудная это была работа - возвращаться к жизни. Терпение у этой старухи было поразительное. Я пробыл у нее... дай бог памяти... месяца четыре и все это время то бредил, то буйствовал, как медведь с болячкой в ухе. Боль была, надо сказать, довольно сильная, а я человек изнеженный еще с детства...

Дальше... кое-как поправился и уполз от старухи. Я просто не мог больше выносить ее лачужку... Приступы боли возобновлялись каждый вечер, как только начинало смеркаться. После полудня я обычно лежал один и следил, как солнце опускается все ниже и ниже... О, вам никогда этого не понять! Я и теперь не могу без ужаса видеть солнечный закат...

- Скажите, если можете, - нерешительно спросила Джемма, -
каким образом вы в двадцать лет оказались
заброшенным в такую даль?
- Очень просто. Дома, на родине, жизнь улыбалась мне,
но я убежал оттуда.
- Почему?...

- Почему? Должно быть, потому, что я был самонадеянным мальчишкой. Я рос в богатой семье, меня до невозможности баловали. Но в один прекрасный день выяснилось, что некто, кому я верил, обманывал меня... Что с вами? Почему вы так вздрогнули?

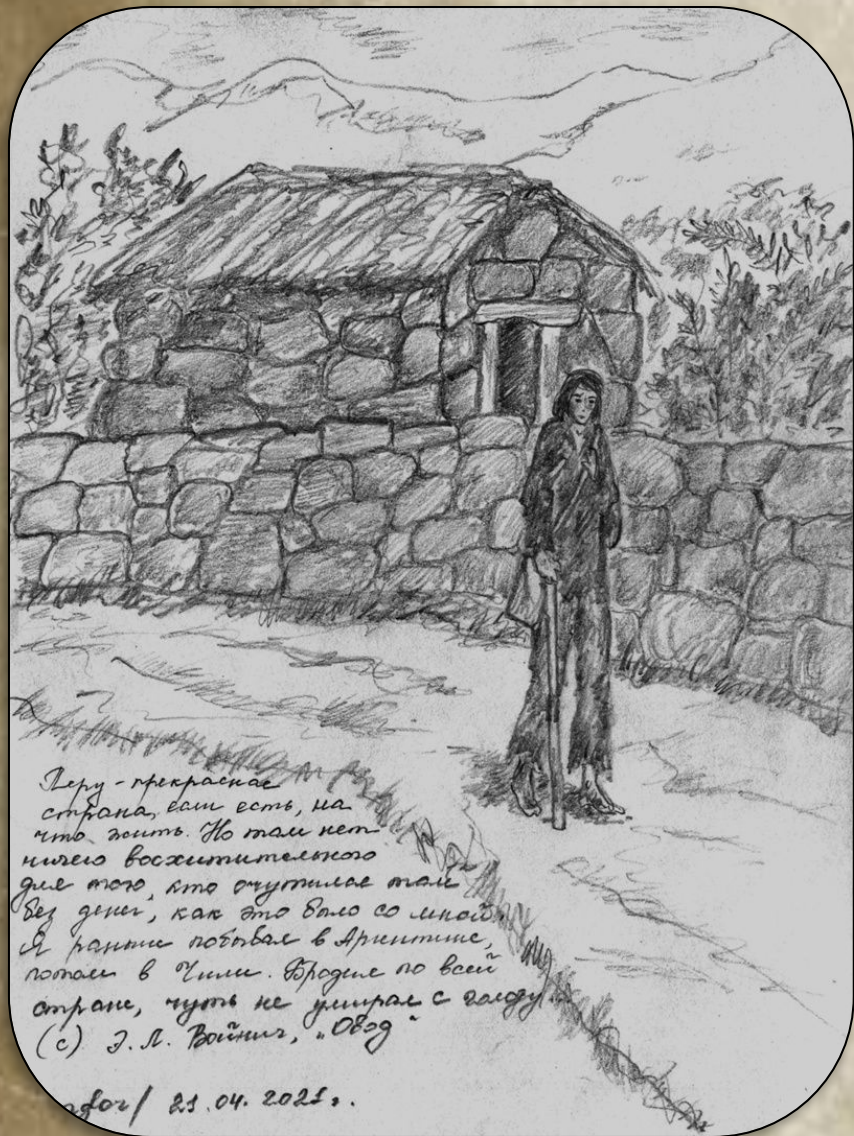
- Ничего. Продолжайте, пожалуйста.

- Я открыл, что меня оплели ложью. Случай весьма обыкновенный, конечно, но, повторяю, я был молод, самонадеян и верил, что лжецов ожидает ад. Поэтому я решил: будь что будет - и убежал в Южную Америку, без денег, не зная ни слова по-испански, будучи белоручкой, привыкшим жить на всем готовом. В результате я сам попал в настоящий ад, и это излечило меня от веры в ад воображаемый...

- **Значит, рассказывать дальше? - спросил он немного погодя.**
- **Если... если хотите... Но воспоминания мучительны для вас. А вы думаете, я забываю об этом, когда молчу? Тогда еще хуже...**

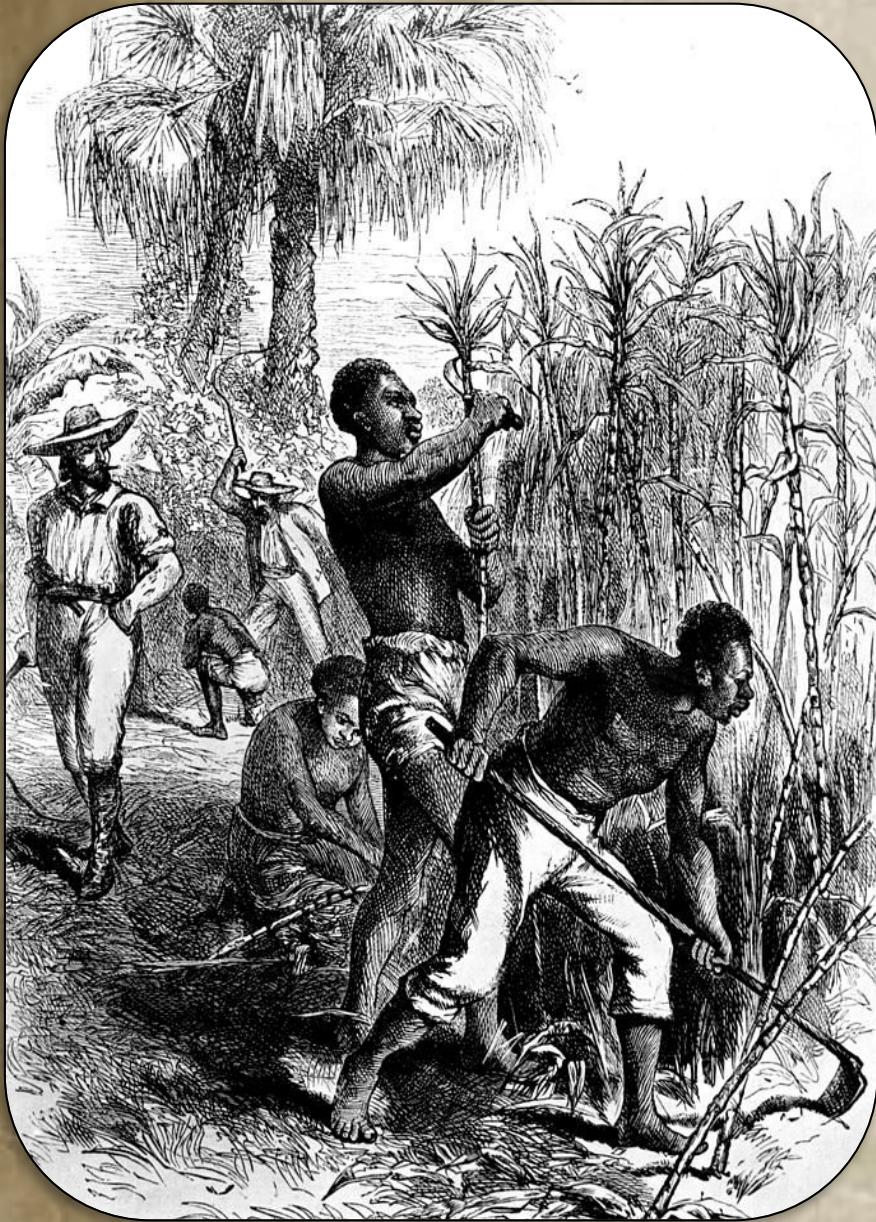

Зеру - прекрасная
страна, там есть, на
что жить. Но там нет
никого воспитательного
дела того, что случилось там
без детей, как это было со мной.
Я раннее побывал в Аргентине,
потом в Чили. Везде по всей
стране, чуть не умирал с голоду.
(с) Э. Л. Войнич, "Обвод"

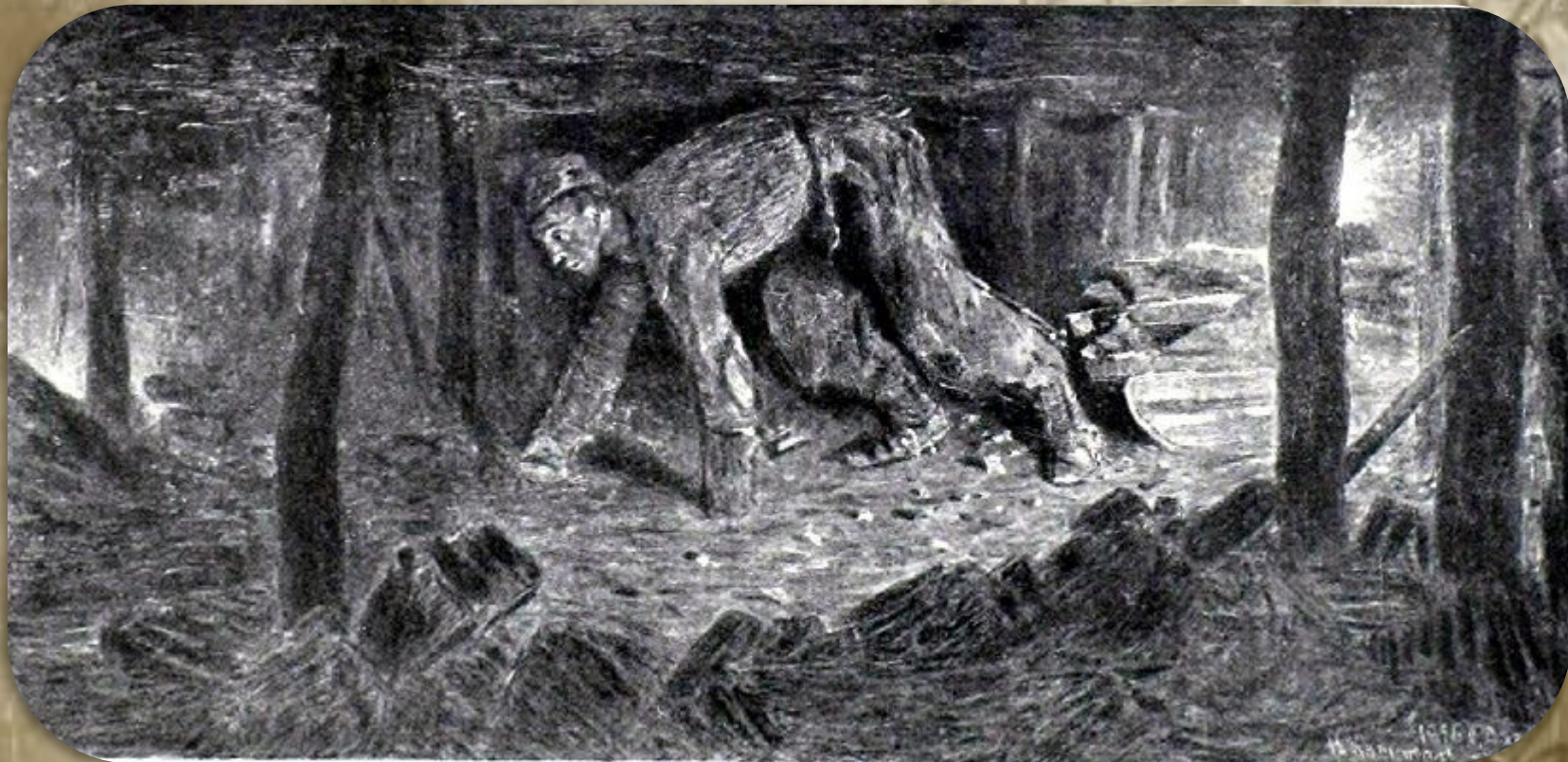
2021 / 23.04.2021.

- Потом я пошел бродить по стране, в надежде найти какую-нибудь работу. Первые полтора года были вовсе не так плохи: я был молод, силен и довольно успешно выходил из затруднений, пока тот матрос не изувечил меня...

**После этого я уже не мог найти работу. Удивительно, каким совершенным оружием может быть кочерга в умелых руках!
А калеку, понятно, никто не наймет...**

**- Одно время был
- на побегушках у негров,
работавших
на сахарных плантациях.
Между прочим,
удивительное дело!
Рабы всегда ухитряются
завести себе собственного
раба. Из-за хромоты я не мог
двигаться быстро,
да и большие тяжести были
мне не под силу.
А кроме того, у меня
то и дело повторялось
воспаление
или как там называется
эта проклятая болезнь...**

- Через некоторое время я перекочевал с плантаций на серебряные рудники и пытался устроиться там. Но управляющие смеялись, как только я заговаривал о работе, а рудокопы буквально травили меня. Они видели, что я могу отбиваться только одной рукой. Наконец я ушел с этих рудников и отправился бродяжничать, в надежде, что подвернется какая-нибудь работа...

- Бродяжничать? С больной ногой?

Овод вдруг поднял на нее глаза, судорожно переведя дыхание.

- Я... я голодал, - сказал он.

Джемма отвернулась от него и оперлась на руку подбородком...

- Я бродил и бродил без конца, до умопомрачения и все-таки ничего не нашел. Пробрался в Эквадор, но там оказалось еще хуже. Иногда перепадала паяльная работа - я довольно хороший паяльщик - или какое-нибудь мелкое поручение. Случалось, что меня нанимали вычистить свиной хлев или... да не стоит перечислять... И вот однажды...

- И вот однажды я наткнулся на бродячий цирк. Помните, тот цирк, где мы были с вами? Так вот такой же, только еще хуже, еще вульгарнее. Тамошняя публика хуже наших флорентийцев - им чем грубее, грязнее, тем лучше...

**Труппа расположилась
на ночлег возле большой
дороги. Я подошел к ним
и попросил милостыни.
Погода стояла нестерпимо
жаркая. Я изнемогал от голода
и упал в обморок. В то время
со мной часто случалось,
что я терял сознание,
точно институтка,
затянутая в корсет.
Меня внесли в палатку,
накормили, дали мне коньяку,
а на другое утро
предложили мне...**

**-Им требовался горбун,
вообще какой-нибудь
уродец, чтобы
мальчишкам было
в кого бросать
апельсинными и
банановыми корками...
Помните клоуна в цирке?
Вот и я был таким же
целых два года...**

- Я научился выделывать кое-какие трюки. Но хозяину показалось, что я недостаточно изуродован. Это исправили: мне приделали фальшивый горб и постарались извлечь все, что можно, из больной ноги и руки. А шутовской наряд довершал впечатление...

- Все бы шло прекрасно, но я часто болел и не мог выходить на арену. Если содержатель труппы бывал не в духе, он требовал, чтобы я все-таки участвовал в представлении, и в такие вечера публика получала особое удовольствие...

- Помню, как-то раз у меня были сильные боли. Я вышел на арену и упал в обморок. Потом очнулся и вижу: вокруг толпятся люди, все кричат, улюлюкают, забрасывают меня...

- ***Не надо! Я не могу больше! Ради бога, перестаньте! – Джемма вскочила, зажав уши.***
- Овод замолчал и, подняв голову, увидел слезы у нее на глазах.***
- ***Боже мой! Какой я идиот! - прошептал он...***

Вдруг в саду, под окнами, чистый женский голос запел французскую уличную песенку. При первых же словах этой песни Овод с глухим стоном отшатнулся от Джеммы. Но она удержала его за руку и крепко сжала ее в своих, будто стараясь облегчить ему боль во время тяжелой операции...

Когда же песня оборвалась и в саду раздались аплодисменты и смех, он медленно проговорил, устремив на нее страдальческий, как у затравленного зверя, взгляд:
- Да, это Зита со своими друзьями. Она хотела прийти ко мне в тот вечер, когда здесь был Риккардо. Я сошел бы с ума от одного ее прикосновения!...

В саду снова раздался взрыв смеха. Джемма поднялась и распахнула окно. Кокетливо повязанная шарфом с золотой вышивкой, Зита стояла посреди дорожки, подняв над головой руку с букетом фиалок, за которым тянулись три молодых кавалерийских офицера....

- Мадам Рени! - окликнула ее Джемма.

Словно туча нашла на лицо Зиты.

- Что вам угодно, сударыня? - спросила она, бросив на Джемму вызывающий взгляд.

- Попросите, пожалуйста, ваших друзей говорить немножко потише. Синьор Риварес плохо себя чувствует. Танцовщица швырнула фиалки на землю...

Джемма закрыла окно.

- Они ушли, - сказала она. - Правда, это не мое дело, но я не понимаю...

- Моего отвращения к мадам Рени? Это только когда я...

- Нет, я не понимаю, как вы можете жить вместе с ней, если она вызывает у вас такие чувства. По-моему, это оскорбительно для нее как для женщины, и...

- Как для женщины? - Он резко рассмеялся. - И вы называете ее женщиной?...

- Это нечестно! - воскликнула Джемма. - Кто дал вам право говорить о ней в таком тоне с другими... и особенно с женщинами!...

Когда стемнело, Джемма свернула работу и положила ее в корзинку. Опустив руки на колени, она молча смотрела на неподвижную фигуру Овода. Тусклый вечерний свет смягчал насмешливое, самоуверенное выражение его лица и подчеркивал трагические складки у рта...

***Джемма вспомнила вдруг каменный крест, поставленный
ее отцом в память Артура, и надпись на нем:
Все воды твои и волны твои прошли надо мной...***

Целый час прошел в молчании. Наконец Джемма встала и тихо вышла из комнаты. Возвращаясь назад с зажженной лампой, она остановилась в дверях, думая, что Овод заснул. Но как только свет упал на него, он повернул к ней голову...

- Знаете, о чем я думал? Вы совершенно правы, моя жизнь исковеркана. Но ведь женщину, достойную твоей... любви, встречаешь не каждый день. А мне пришлось перенести столько всяких бед! Я боюсь... - Чего?

- ***Темноты. Иногда я просто не могу оставаться один ночью. Мне нужно, чтобы рядом со мной было живое существо. Темнота, кромешная темнота вокруг... Нет, нет! Я боюсь не ада! Ад - это детская игрушка. Меня страшит темнота внутренняя, там нет ни плача, ни скрежета зубовного, а только тишина... мертвая тишина...***

- Скажите мне, - тихо проговорил он, - а вам никогда не приходилось корить себя за какой-нибудь жестокий поступок?

Джемма ничего не ответила ему, но голова ее поникла, и две крупные слезы упали на его руку...

- Да... Я была жестока с человеком, которого любила больше всех на свете. Он был нашим товарищем, его оклеветали, на него возвели явный поклеп в полиции, а я всему поверила. Я ударила его по лицу, как предателя... Он покончил с собой, утопился... Через два дня я узнала, что он был ни в чем не виновен... Такое воспоминание, пожалуй, похуже ваших... Я охотно дала бы отсечь правую руку, если бы этим можно было исправить то, что сделано...

***Новый для нее, опасный огонек сверкнул в глазах Овода.
Он быстро склонил голову и поцеловал руку Джеммы.
Она испуганно отшатнулась от него.
- Не надо! - сказала она умоляющим тоном. - Никогда
больше не делайте этого. Мне тяжело...***

- А разве тому, кого вы убили, не было тяжело? ...